

Е.О. Орлова
Новгородский государственный университет
им. Ярослава Мудрого

ЖИТИЙНЫЕ МОТИВЫ В РАСКРЫТИИ ОБРАЗА АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО (НА ПРИМЕРЕ ДЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

В художественных книгах о святом благоверном князе Александре Невском, адресованных детям, можно выделить житийные мотивы: мотив молитвы и мотив чуда, основной источник для которых – Первоначальная редакция жития XIII века. Авторские толкования раскрывают христианское понимание литературного героя.

Мотив, топос, житие, детская литература, молитва, чудо.

Святой благоверный князь Александр Невский в силу идейной значимости для русского народа неоднократно становился героем литературных произведений, в том числе и для детей. В.Г. Дидковская назвала Житие Александра Невского (Летописную или Первоначальную редакцию 80-х гг. XIII в.) «центром притяжения» русской агиографии, в частности, как образец для составления житийных повестей о князьях-воинах [5, с. 293]. Можно использовать предлагаемую характеристику и в отношении многих детских книг о святом князе – Житие и для них выступает неизменным «центром притяжения». Нам хотелось бы рассмотреть, насколько древнерусский текст выступил не только как источник информации, но и определил включение житийных мотивов в художественную литературу, адресованную детям.

Считаем уместным обозначить соотношение литературного мотива (т.к. речь идет о художественных текстах) и житийного топоса.

В литературоведческих словарях и учебниках мотиву даются следующие характеристики:

- устойчивый смысловой элемент художественного текста, повторяющийся в фольклорных и литературно-художественных произведениях [6];
- компонент произведения, обладающий повышенной значимостью (семантической насыщенностью), родственной теме, идее, но не тождественный им [21, с. 280];
- минимальный компонент художественного произведения, неразложимый далее элемент содержания [16].

Топос как «общее место» в агиографической литературе может также принять на себя обозначенные характеристики. Например, рождение от благочестивых родителей или раздача имущества бедным после смерти родителей могут рассматриваться и как устойчивые смысловые элементы, и как семантически насыщенные компоненты, и как минимальные компоненты жития.

А.Д. Степанов в работе «Понятие “топос” – проблема границ», определяя направления исследования, среди предлагаемых вопросов, ставит и такой: «Како-

во соотношении “топоса” и “мотива”...? Как нам кажется, в известных определениях мотива... можно указать на проблемы, очень похожие на те, что очерчены» по отношению к топосу, например «является ли мотив категорией формальной или содержательной?» [17, с. 43]. О.М. Беланова отмечает, что «в медиевистике есть две тенденции в определении понятия “общие места” (“топосы”): расширенное и узкое понимание» [3, с. 137]. Мы разделяем расширенное понимание, при котором, по словам Т.Р. Руди, «топосом может быть любой повторяющийся элемент текста – от отдельной устойчивой литературной формулы до мотива, сюжета или идеи» [15, с. 61]. Т.Р. Руди, исследуя корпус русских монашеских житий, определяет, «что существенной характеристикой этого типа агиографического повествования является детально разработанная система литературных топосов – мотивов, образов, устойчивых формул, библейских и святоотеческих цитат и т.д.» [14, с. 497]. По ее мнению, в схему монашеского жития могут быть включены несколько мотивов, например мотив божественных знамений или мотив предсмертного наставления святого (иногда в соединении с мотивом небрежения к телу) [14, с. 497, 499]. Т.Р. Руди и Е.Г. Водолазкин, рассматривая развитие житийной топики в сочинениях выговской литературной школы, показывают обогащение агиографических мотивов: «Примечательно, что, обращаясь к житийной топики, агиограф нередко развивает традиционные мотивы, усложняя их психологическим обоснованием. Так, в главке “О пострижении во иноческий образ” он не просто использует мотив первоначального отказа отроку в постриге из-за его юности, но распространяет его в соответствии с конкретной ситуацией» [13, с. 96].

Н.А. Непомнящих отмечает, что «в литературоведении нет единого мнения о том, что считать “житийным мотивом”»: иногда под этим термином подразумевают именно сюжетную единицу (В.К. Васильев, М.Н. Климова, А.В. Ранчин), иногда “житийный мотив” – это любой элемент, напоминающий о житиях или христианстве “вообще” и чаще всего тематически связанный с идеей праведничества или святости» [9,

с. 131–132]. Исследователь подчеркивает, что понятие «топос», представленное Т.Г. Руди по отношению к житиям, несколько шире, чем традиционно понимаемый литературоведением мотив: как правило, мотив – единица сюжета или темы, а топос – любой повторяющийся житийный элемент, даже сугубо риторический [9, с. 125].

Итак, мы будем говорить о житийном мотиве по отношению к литературному произведению как об элементе, напоминающем о конкретном тексте жития, соотнося мотив с топосами агиографических сочинений.

В качестве житийного источника для анализа детских книг была выбрана Первоначальная редакция XIII века – «Повесть о житии и о храбрости благоверного и великого князя Александра» [12]. Как указывает В.И. Охотникова, «Повесть о Житии Александра Невского... дошла до нас в нескольких редакциях XIII–XVII вв. История ее текста необычайно сложна...» [11, с. 354]. Текстологическая история жития (редакции, списки) не является предметом рассмотрения предлагаемой статьи. Можно назвать исследование В.И. Мансика 1913 года издания, не утратившее актуальности и в XXI веке [7], статью В.И. Охотниковой в «Словаре книжников и книжности Древней Руси» [11]. Мы разделяем суждение В.И. Охотниковой о Первоначальной редакции, почему и остановили свой выбор на этом варианте: «Велико значение Первоначальной редакции Повести для древнерусской литературы. Она явилась основным источником для всех последующих редакций памятника» (Там же, с. 357).

Для анализа были взяты несколько художественных произведений. Отметим, что мы не обращались к адаптированным для детей вариантам жития. Кроме того, мы исключили детские книги советского периода. Среди них есть много достойных литературных работ. Там встречаются заимствования из жития, например рассказ о страже ижорского старосты Пелгусия [18], но, по нашему мнению, это использование исторического эпизода и имени, а не мотивов. Мы обратились к следующим изданиям: Алмазов Б.А. Святой благоверный князь Александр Невский [1]; Амирголова В.Н. Светлый княжич Александр: Повесть о детстве благоверного князя Александра Невского [2]; Воскобойников В.М. Александр Невский [4]; Отец и сын. Святые благоверные князья Александр Невский и Даниил Московский [10].

По нашему мнению, ведущим житийным мотивом в детских книгах, посвященных благоверному князю Александру Невскому, выступает молитва. С одной стороны, молитва – одно из «общих мест» агиографической литературы. Сложно представить житие святого без молитвы. С другой стороны, интерес представляют конкретные обстоятельства, которые вызвали у героя потребность в определенной молитве. Мы считаем, что во фрагменте, посвященном Невской битве, молитве принадлежит определяющая роль в раскрытии образа святого князя-воина. Н.В. Трофимова, автор исследования по древнерусской воинской повести [20], в одной из работ указывает на логическую схему воинских повестей, которая включает три традиционных этапа: «подготовка битвы – сражение – последствия похода» [19, с. 559]. При этом возможно появление элементов, не укладывающихся в предложен-

ную схему, например авторское вступление [19, с. 559]. По мнению специалистов, в тексте «Жития Александра Невского» используются традиции двух жанров – жития и воинской повести [3, с. 143], что позволяет анализировать «Повесть о жизни и о храбрости благоверного и великого князя Александра» не только как агиографическое произведение, но и литературное. Применим для анализа одного из фрагментов жития прием, когда каждая часть композиции будет обозначена названием. В результате выстраивается такая последовательность: «вызов» – «молитва» – «действия князя» – «чудо» – «битва/победа». Чудо явления святых Бориса и Глеба можно понимать как своеобразный ответ Господа на молитву (обращение) благоверного князя. Этим композиционным приемом автор жития доносит до читателя мысль: не было бы молитвы – не было бы и победы, что и подчеркивает первостепенное значение молитвы рассматриваемого отрывка.

Напомним слова молитвы из текста жития: «...начал молиться со слезами: *Боже славный, праведный, Боже великий, крепкий, Боже превечный, сотворивший небо и землю и постановивший пределы народам, Ты повелел жить, не ступая в чужие пределы! И вспомнив псаломскую песнь, сказал: Суди, Господи, обидевших меня и побори борющихся со мной, возьми оружие и щит, восстань на помощь мне*» [12, с. 193]. Текст приведен в переводе Ю.К. Бегунова [12].

Во всех выбранных книгах, где представлено описание Невской битвы, присутствует молитва князя и ее место – Софийский собор, характеристика молитвенного состояния – слезно молился. Лишь в одном издании воспроизведена молитва близкая тексту Первоначальной редакции, в одном – краткий вариант, в другом – дополненный. При этом важен контекст и авторские комментарии, сопровождающие молитву.

Воскобойников В.М.: «А князь в это время находился в храме Святой Софии. Пав на колени пред алтарем, он слезно молил Бога о помощи. – Господи, – просил он, – побори борющихся со мною. *Возьми щит и латы и восстань на помощь мне!*» [4, с. 24].

Алмазов Б.А.: «В трудные минуты привык князь искать силы в молитве. Пошел он в храм святой Софии Новгородской и стал горячо, со слезами молить Бога: *Боже славный, Боже великий, Боже вечный! Сотворивший небо и землю и положивший границы народам, чтобы каждый жил в своих землях, не ступая в чужие пределы... Суди, Господи, обидящих меня и борющихся со мною! Возьми оружие и щит, восстань на помощь мне!* И с каждым словом молитвы укреплялось в юном князе мужество, – видно, сам Господь вливал силы в его душу» [1, с. 14].

Ананичев А.: «А князь Александр тем временем слезно молился в соборном храме Святой Софии, упав на колени перед алтарем: – *Боже всемогущий и праведный! Боже великий и крепкий! Боже превечный, сотворивший небо и землю и поставивший пределы языком, и жити повелевший, не преступая в чужие части...* Слыши словеса гордого варвара сего, похваляющегося разорить святую веру православную и пролить хотяща кровь христианскую, призри с небесе и виждь и посети нас, винограда Своего, и суди

обидящих мя, и возбрани борющимся со мною, *прими оружие и щит, и стани в помощь мне*, да не рекут врази наши, где есть Бог их? Ты бо еси Бог наш и на Тя уповаем!» [10, с. 36].

Если В.М. Воскобойников емко и кратко излагает основное течение происходящего, то Б.А. Алмазов, авторскими словами, обрамляющими молитву, дает характеристику князю (в трудные минуты привык молиться), а также подчеркивает значимость Божией помощи молитвеннику. У А. Ананичева происходит расширения текста молитвы из Первоначальной редакции заимствованиями из более поздних житийных вариантов. Так, у М. Хитрова в издании 1893 г. в молитву включены те слова, которые использует и А. Ананичев в детской книге, при этом автор дореволюционного издания ссылается на Степенную книгу, сборник XVI в. [22, с. 61–62].

Обратим внимание, что все авторы сохраняют цитату из 34 Псалма, представленную в житийном фрагменте с молитвой. Можно предположить, что этот выбор определен не только выразительностью слов, но и желанием показать образованность князя, продемонстрировать современному читателю книжную просвещенность древней Руси.

Итак, авторы детских книг не ограничиваются текстом жития только Первоначальной редакции, но и считают возможным добавлять слова более поздних и расширенных вариантов. Отметим, что в книге А. Ананичева и основной текст молитвы дан максимально в варианте без перевода. Как нам думается, в данном случае авторская позиция расширения текста молитвы продиктована желанием писателя приблизить читателя к агиографическому образу святого князя-воина, отсюда и слова без перевода, и несколько житийных источников.

Повесть В.И. Амиргуловой рассказывает о детстве княжича, поэтому не включает описание Невской битвы, а соответственно, и молитву в Софийском Соборе. Однако автор, следуя раскрытию святого образа, представленного в житии, неоднократно включает молитву в содержание повествования. Одна из глав так и называется «Молитва под звездами» [2, с. 58–60]. Завершается книга рассказом о сражении на Омовже 1234 года, когда юному князю было 13 лет. Примечательно, что в этой битве русским войскам под предводительством Ярослава Всеволодовича удалось загнать рыцарей Ордена меченосцев под лед. Военный опыт, к которому позднее обратится талантливый полководец, позволяет предположить и о молитвенном опыте накануне сражения. «Ночью Александр молился на коленях перед иконой Спасителя так горячо, как никогда. Слова молитвы неудержимо рвались из сердца... Просил княжич Бога, чтоб помог Он русским воинам в борьбе с супостатами, ну а тех, кто сложит голову за Отчизну, принял бы в райские обители: – Господи, защити, пощади, не дай надругаться врагам над Русью!» (Там же, с. 88).

Таким образом, житийный мотив молитвы, представленный в рассмотренных детских книгах, вписан в содержание и как раскрытие конкретного исторического момента, и как проявление святости благоверного князя, свойственное его душе. Мотив молитвы призван помочь юному читателю полнее понять образ

литературного героя и исторической личности. При этом важно христианское понимание этого элемента текста. Глубокая и сердечная (слезная) молитва в агиографии рассматривается как проявление святости. Уверенность в истинности общения с Богом выступает источником духовных сил в самых, казалось бы, безвыходных ситуациях, поэтому молитва князя в художественных текстах, адресованных детям, должна восприниматься не только как необходимый атрибут подобной литературы, а как важнейший смысловой элемент.

Другим житийным мотивом можно считать мотив чуда (знамения). Чудо в христианстве понимается как одно из проявлений святости – возможное, но необязательное [8, с. 2–3].

Примечательно, что в «Повести о житии и о храбрости благоверного и великого князя Александра» не так много чудес, два из них – явление святых Бориса и Глеба и принятие прощальной молитвы (духовной грамоты) – представлены в большинстве детских книг. Обратимся к первому чуду-знамению, в частности, не самому описанию видения, а к восприятию его князем, которое выражает его отношение к чуду. Житийный текст: *Вскоре после этого приехал князь Александр. Пелгий, же взглянул радостно на князя Александра и поведал ему одному о видении. Князь же сказал ему: «Об этом не рассказывай никому»* (в данном случае имя *Пелгий* записано как в варианте Ю.К. Бегунова) [12, с. 194]. У пытливого читателя должен возникнуть вопрос, почему князь-воин произносит эти слова, ведь, казалось бы, такое явное Господне участие должно приободрить дружину и ополченцев, или же полководец опасается расслабленного состояния войска уже победившего предопределенно. Авторы детских книг могут предложить свою интерпретацию житийного текста. Приведем ответы князя. Воскобойников В.М.: «Пелгусий, волнуясь, рассказал ему о чудесном видении. – Пока не говори об этом никому, – попросил князь. – Ну что враги, где они?» [4, с. 24]. Алмазов Б.А.: «И в тот же день встретил Пелгусий конную дружину Александра и рассказал о своем видении князю. Александр приказал ему молчать, сам же понял, что это знак Божий! И как молния устремился на шведов» [1, с. 18]. Ананичев А.: «Божие благословение на нас, – облегченно выдохнул князь. – Но я прошу тебя, Пелгусий, не говорить об этом никому, пока не увидим славы Божией» [10, с. 37].

Отметим, что ни один из авторов не отказался от этого момента, все сохранили слова князя, записанные в Житии. Думается, это вызвано не только желанием максимально опираться на агиографический источник, но и пониманием значимости высказывания, записанного современником. Важно, чтобы читатель вслед за литературным героем воспринял чудо как знак участия Божьего. Объяснение приказа/просьбы о молчании толкуется в основном необходимостью активных самостоятельных действий, по принципу *на Бога надейся, но сам не плошай*. Показательна реплика Александра Невского в тексте В.М. Воскобойникова, как будто воин прямо сейчас начнет сражение. Мы считаем, что допустимо и иное понимание слов святого князя-воина. Молитва, если

она не соборная, это личное общение человека с Богом. Возможно, и знамение оценивалось как ответ лично святому, открытый благочестивому старейшине земли Ижорской (напомним, что в Житии указывается на крещение старейшины, его богоугодное житие и соблюдение постов), чтобы быть позднее представленным христоролюбивым потомкам. Поэтому князь и не считал возможным предьявление Божьего ответа всем.

Итак, рассмотренные нами детские книги об Александре Невском содержат житийные мотивы, которые служат христианскому раскрытию героя литературного произведения. Следовательно, педагогу при обращении в образовательном процессе к описанным сочинениям необходимо воспринимать тексты не только как художественные или информативные, но и как материалы христианской смысловой наполненности.

Литература

1. Алмазов, Б. А. Святой благоверный князь Александр Невский / Б. А. Алмазов. – Санкт-Петербург : АртДеко, 2013. – 44 с.
2. Амиргулова, В. Н. Светлый княжич Александр: Повесть о детстве благоверного князя Александра Невского / В. Н. Амиргулова. – Москва, 2016. – 96 с.
3. Беланова, О. М. «Общие места» в Первоначальной редакции «Жития Александра Невского» и в поздних редакциях XIX в / О. М. Беланова, Н. В. Трофимова // Научные труды молодых ученых-филологов XIV : материалы Всероссийской научно-методической конференции (Москва, 14–17 октября 2014 г.) / Министерство образования и науки Российской Федерации, Московский педагогический государственный университет, Институт филологии и иностранных языков, Учебно-научный центр филологии. – Москва : Литера, 2015. – С. 137–144.
4. Воскобойников, В. М. Александр Невский / В. М. Воскобойников. – Москва : Росмэн, 2003. – 47 с.
5. Дидковская, В. Г. Житие Александра Невского в истории русской агиографии / В. Г. Дидковская // Ученые записки Новгородского государственного университета. – 2022. – № 3 (42). – С. 290–295.
6. Литературный словарь. – URL: <http://niv.ru/doc/dictionary/literary-dictionary/fc/slovar-204.htm#zag-511> (дата обращения: 10.08.2022). – Текст : электронный.
7. Мансика, В. Й. Житие Александра Невского. Разбор редакций и текст / В. Й. Мансика. – Санкт-Петербург, 1913. (Памятники древней письменности и искусства. № 180). – 225 с.
8. Митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий. Канонизация святых в русской православной церкви. Доклад на XII Международных Рождественских Образовательных чтениях «Подвиг новомучеников и исповедников Российских и духовное возрождение Отечества», 25 января 2004 г., Москва, Государственный Кремлевский дворец. – 16 с.
9. Непомнящих, Н. А. Житийные сюжеты и мотивы в новой литературе: к вопросу об изучении и классификации / Н. А. Непомнящих // Сюжетология и сюжетография. – 2019. – № 1. – С. 123–138.
10. Отец и сын. Святые благоверные князя Александр Невский и Даниил Московский. – Москва : Издательство Московской Патриархии, 2010. – 152 с.
11. Охотникова, В. И. Повесть о Житии Александра Невского / В. И. Охотникова // Словарь книжников и книжности Древней Руси / ответственный редактор Д. С. Лихачев. Выпуск 1. (XI – первая половина XIV в.). – Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1987. – С. 354–363.
12. Повесть о жизни и о храбрости благоверного и великого князя Александра // Бегунов Ю. К. Александр Невский: Жизнь и деяния святого и благоверного великого князя. – Москва : Молодая гвардия, 2003. – С. 192–199.
13. Руди, Т. Р. Из истории литературной топики: старообрядческая традиция / Т. Р. Руди, Е. Г. Водолазкин // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2019. – № 6 (183). – С. 92–99.
14. Руди, Т. Р. О композиции и топике житий преподобных / Т. Р. Руди // Труды Отдела древнерусской литературы / Российская академия наук. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) ; ответственный редактор О. В. Творогов – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2006. – Т. 57. – С. 431–500.
15. Руди, Т. Р. Топика русских житий (вопросы типологии) / Т. Р. Руди // Русская агиография. Исследования. Публикации. Полемика / Российская академия наук. Институт русской литературы (Пушкинский дом). – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2005. – С. 59–101.
16. Словарь литературоведческих терминов. – URL: <https://www.textologia.ru/slovari/literaturovedcheskie-terminy/motiv/?q=458&n=134> (дата обращения: 10.08.22). – Текст : электронный.
17. Степанов, А. Д. Понятие «топос» – проблема границ / А. Д. Степанов // Мир русского слова. – 2018. – № 2. – С. 41–46.
18. Тихомиров, О. Н. Александр Невский : Слово о походах : [для младшего школьного возраста] / О. Тихомиров ; [художник В. Перцов]. – Москва : Малыш, 1975. – 31 с.
19. Трофимова, Н. В. Из истории древнерусской воинской повести / Н. В. Трофимова // Герменевтика древнерусской литературы. – 2004. – № 11. – С. 558–590.
20. Трофимова, Н. В. Поэтика древнерусского воинского повествования / Н. В. Трофимова ; Московский педагогический государственный университет. – Москва : Московский педагогический государственный университет, 2017. – 276 с.
21. Хализев, В. Е. Теория литературы : учебник / В. Е. Хализев. – 4-е изд., испр. и доп. – Москва : Высшая школа, 2004. – 405 с.
22. Хитров, М. Святой благоверный великий князь Александр Ярославович Невский: Подробное жизнеописание с рисунками, планами и картами / М. Хитров. – Москва : Панорама, 1991. – 288 с.

E.O. Orlova

HAGIOGRAPHIC MOTIFS IN REVEALING THE IMAGE OF ALEXANDER NEVSKY (ON THE EXAMPLE OF CHILDREN'S HISTORICAL LITERATURE)

There are two important hagiographical motifs in the children's fiction books about Saint Alexander Nevsky: the pray motif and the miracle motif. They develop from the first original edition of his hagiography in the 13th century. The writer's interpretations show the Christian lifestyle of the hero.

Motif, topos, hagiography, children's literature, prayer, miracle.